

ИНГВИ АКИСОН

Город Ниен

16+

ИНГВИ АКИСОН

Город Ниен

«Автор»

2022

Акисон И.

Город Ниен / И. Акисон — «Автор», 2022

1635 год. На берегу Невы, где позднее возникнет Санкт-Петербург, стоит шведский городок Ниен. Самая красивая из девушек найдена обезглавленной. Одни уверены, что это дело рук мертвой ведьмы, другие подозревают таинственного призрака... Но какое дело до всех этих суеверий студенту Эрику Хольму? Он прибыл в крошечный Ниен из столицы Швеции в гости к своей тете и случайно оказался в центре событий. Будучи поклонником новейшей философии, Эрик верит только в факты и научный эксперимент. Поможет ли это вычислить среди горожан убийцу, а самому Эрику - остаться в живых? Основано на реальных событиях.

© Акисон И., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Странное убийство и гость из Стокгольма	5
Глава 2. Новое нападение	11
Глава 3. Комендант	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ингви Акисон

Город Ниен

Глава 1. Странное убийство и гость из Стокгольма

Пятница 8 июня 1635 года не задалась у Микаэля Лундгрена с самого утра.

Заглянув в дворовую постройку, где в идеальном порядке хранились все медицинские инструменты, он заметил, что хирургическая пила исчезла.

Весь день, принимая пациентов из небольшого торгового городка, на окраине которого располагалась его усадьба, а также из окрестных деревень, – весь тот день он не мог сосредоточиться на работе из-за двух мучавших его вопросов.

Куда же она могла подеваться?

И где, черт побери, теперь раздобыть новую?

Город, в котором жил Лундгрэн, стоял на берегу Невы. Более забытое богом место сложно было и вообразить.

Последний раз хирургическая пила была нужна для ампутации месяц назад. Но он был точно уверен, что видел ее вчера вечером, запирая постройку на ночь...

Так (слово в слово) он рассказывал представителю властей, когда вечером той же пятницы – промокший под проливным дождем и оглохший от раскатов разбушевавшейся грозы – сидел на корточках рядом с телом Элизабеты Берг и внимательно осматривал его. Горожане обнаружили девушку в кустах возле речки. Ее узнали по одежде и украшениям. Голова первой красавицы их городка была отпилена и так и не обнаружена нигде поблизости.

* * *

Неделю спустя возле устья Невы появилось небольшое купеческое судно.

Был прохладный и ветреный субботний вечер. Несмотря на начало десятого часа, солнце еще висело над горизонтом и создавало иллюзию дня. На носу корабля, повернувшись спиной к закату, стоял молодой человек. Ветер трепал его длинные золотисто-рыжие волосы: практически того же оттенка, что и солнечный диск, который завис над водой далеко позади. Заподозрить в паренке кого-то из команды моряков, обслуживающей судно, было сложно. Из одного кармана его куртки торчал томик «Дон Кихота» во французском переводе, а из другого выглядывал «Новый Органон» Бэкона на латыни.

– Хирвисари, – прозвучал старческий голос за его спиной.

– Простите, что? – обернувшись, молодой человек увидел, что купец показывает на приближающуюся землю.

Седые волосы, длинная седая борода и глубокие морщины на лице делали купца похожим на доброго тролля.

– Хирвисари, сударь. Что означает «Лосиный остров». Так его ижорские крестьяне называют. А в русских деревнях, которые там тоже есть, он зовется «Василий-остров».

Судно прибыло к Неве из Ревеля. Рыжий паренек еле-еле уговорил старика взять его на борт за скромную плату. И еще при посадке эстляндский купец, довольно сносно владеющий шведским, заметил у пассажира – который владел им безусловно – книги на двух совершенно непонятных языках. Купец сразу сообразил, что перед ним студент, направляющийся в город на Неве из Стокгольма, транзитом через Ревель. Догадка эта вскоре подтвердилась. Всю дорогу молодой человек выпытывал у старика местные словечки, а в ответ много болтал о себе.

Впрочем, о настоящей цели своего визита на самый восток Шведской империи студент не обмолвился ни словом.

Эту тайну он не выдал бы никому даже под пытками.

«Еду навестить тетю, сестру отца», – звучал его краткий ответ.

О себе молодой человек за время их плавания по Балтийскому морю рассказал, что зовут его Эрик Хольм, что он успешно окончил первый курс университета Уппсалы близ Стокгольма и что теперь воспользовался летними каникулами для совершения этого путешествия через всю Балтику.

Появился он на свет в Выборге. Отец был мелким чиновником, а мать оформляла цветами торжества в богатых домах. Однако оба родителя через пару недель после его рождения погибли. (О подробностях Эрик умолчал). Мамина сестра забрала его в Стокгольм, где жила замужем за успешным врачом. Пара усыновила его. А спустя десять лет отчиму посчастливилось стать личным врачом какого-то барона-толстосума в Париже.

И все последние часы, пока купеческое судно не добралось до устья Невы, Эрик всё не мог нахвастаться, как он десятилетним мальчишкой очутился в столице Франции. И прожил там целых семь лет! Семья вернулась в Швецию всего год назад. Так что на французском он говорит теперь даже лучше, чем на родном шведском, а фехтовать умеет не хуже тамошних мушкетеров.

– Странно, – удивился Эрик, когда судно взяло курс направо и принялось огигать Василий-остров. – Почему было не основать город прямо здесь? Ну, или на том берегу... как вы говорили, ее тут называют... «Невы»? Это же у самого залива!

– Почему Ниен не стоит у залива? Господи Иисусе! Если бы вы повидали эти земли столько раз, сколько я, то не задавали бы такого вопроса!

Эрик улыбнулся. Такая старомодная манера речи его весьма забавляла.

Впрочем, и такие внушительные бороды, как у купца, давно вышли из моды, уступив место клинышку на подбородке, гладко выбритым щекам и торчащим в стороны усам. Старик буквально олицетворял собой ушедшую эпоху.

– Все острова и материковая часть в дельте Невы, – продолжал он, – как минимум раз в год, по осени, серьезно подтапливаются рекой, вышедшей из берегов. А старожилы говорят, что однажды здесь вообще всё ушло под воду. Да так стремительно, что многие отдали душу Господу.

– Как же тут можно жить?!

– Видать, был бы у них выбор, не селились бы здесь. Но уж поверьте: только полный безумец додумался бы построить город прямо у залива, когда можно чуть выше по течению. Один из берегов Невы там настолько высокий, что не затапливается вообще никогда!

Вскоре Эрик увидел, что земля слева по борту заканчивается. Судно миновало огромный Василий-остров. Показался сначала один, а затем и второй из рукавов реки. Теперь их судно, паруса которого надувались так, что едва не лопались от мощного попутного ветра, несло по волнам уже одной-единственной Невы, простирающейся строго на восток. Даже не верилось, что корабль идет против течения.

Однако город не показался и здесь. Вместо этого, справа, на южном берегу, виднелась очередная деревушка, а слева...

– Чтоб я сдох! – не удержался Эрик. – Это еще что такое?

– Дьявольское болото, сударь. Ни на что не годное поле. Будто Господь как-то особенно прогневался на него, когда изгонял прародителей наших, Адама и Еву, из рая и проклинал из-за них всю землю. И простирается оно до самого Ниена. Видите, река скоро повернет направо?

Эрик кивнул.

– Вот, – подытожил купец, – там сразу и увидите, как на берегу возвышается Ниен.

У Эрика задержалось веко.

Цель его путешествия была так близка! Буквально за поворотом! И так близка была, быть может, разгадка вопроса, который...

Нет, Эрику становилось не по себе при одной лишь мысли, что догадка может оказаться верной.

А дело всё было в том, что два месяца назад, общаясь с однокурсниками о том о сем в перерыве между лекциями, он услышал, что шведский король Густав Адольф в январе далекого 1616 года пробыл несколько дней в Выборге. Кажется, Эрик случайно упомянул, что родился в Выборге, а кто-то из студентов-всезнаек блеснул своей эрудицией. Догадка, словно раскат грома поразившая его мозг, была настолько неожиданной, что от волнения у него закружилась голова, начали дрожать руки и всего его стало бросать то в жар, то в озноб.

Убежав в свою комнату в общежитии, Эрик попытался привести мысли в порядок. Точнее – собрать воедино и осмыслить пять фактов.

Факт первый. Он родился 1 октября 1616 года. Спустя девять месяцев после визита Густава Адольфа в Выборг.

Факт второй. Густав Адольф был обладателем того же самого золотисто-рыжего цвета волос, что и он сам. Даже знаменитое прозвище государя и гениального полководца, создавшего лучшую армию в Европе, – а называли его «Северный Лев» – отчасти намекало на редкий цвет шевелюры. При этом покойные родители Эрика точно не были рыжими. И этот цвет волос не встречался ни у кого из известных ему родственников.

Факт третий. Мама Эрика была невероятно красивой женщиной. «Словно ожившая статуя Афродиты», – говорили все в Выборге.

Факт четвертый. У государя имелся внебрачный сын от голландской фаворитки. Что забавно, родившийся в том же 1616 году. Ребенок был официально признан отцом, а матери предоставлено пособие.

И, наконец... Факт пятый. В то осеннее утро, когда родители Эрика прогуливались по тротуару в центре Выборга, а мама несла его, двухнедельного и тепло закутанного, на руках... В то утро за их спинами появилась карета, которая с огромной скоростью неслась по проезжей части. За несколько метров лошади завернули на тротуар – и родители Эрика сначала были смяты копытами, а затем и колесами. Запнувшись о тела, повозка опрокинулась и придавила их своим весом.

Кучер скрылся с места происшествия. Все очевидцы были настолько ошарашены произошедшим, что никто не бросился вслед за убежавшим. В самой карете никого не оказалось. И каково же было всеобщее удивление, когда, приподняв совместными усилиями повозку, удалось извлечь из-под нее целого и невредимого ребенка! Отец мальчика был уже мертв. Мать скончалась в больнице спустя день, так и не приходя в сознание.

Городские стражники быстро разыскали владельца кареты. Однако мужчина, сам зарабатывающий себе на хлеб ремеслом извозчика, уверял, что карета была угнана у его дома, пока он спал. Свидетели заявили на опознании, что подозреваемый не имеет ничего общего с убежавшим извозчиком. Впоследствии тот так и не был найден. Стражники решили, что какой-то угонщик карет не справился с управлением. Ведь угонщик имеет дело с животными, которых видит первый раз в жизни, не привык к их нраву, а они еще не привыкли к командам нового кучера. Скрыться же с места угона при этом требуется как можно быстрее.

Таковы были пять фактов.

Эрик подошел к чехлу, который пылился в углу его комнаты в университетском общежитии, и извлек из него лютню. Усевшись в кресло, он принялся наигрывать что-то лирическое. Это неизменно помогало как при меланхолии, так и при нервных приступах.

Не была ли та трагедия тщательно спланированным убийством?!

Что если мама, выглядящая как античная богиня, оформляла цветами пиры в Выборгском замке в те самые дни, когда там останавливался государь? И у них была любовная связь? Ведь это даже не обязательно могло произойти с ее согласия.

И не начала ли мама предпринимать попытки (отправлять письма в инстанции или что-то в этом роде), чтобы ее ребенка признали сыном Густава Адольфа и выделили ей из казны официальное пособие?

А стоит ли сомневаться, что у государственной машины есть на такие случаи специально обученные люди, задача которых – охранять покоя монарха от нежелательных скандалов?

Отложив лютню в сторону, Эрик провел больше часа перед зеркалом. Он тщательно сравнивал свое веснушчатое лицо с портретом государя-гения и обнаруживал всё новые и новые сходства.

Сразу после трагедии младенец был забран у городской стражи «тетей Анной» – папиной сестрой, которая тогда жила в Выборге. Однако прокормить его у нее не было возможности. Долго не раздумывая, она написала сестре мамы Эрика в Стокгольм, и та приехала за мальчиком и увезла с собой.

И вот, несколько лет назад семья тети Анны перебралась из Выборга в Ниен. Эрик написал ей в тот же день, как с кружащейся головой убежал с лекций к себе в общежитие, и сообщил, что хочет повидаться.

Не сможет ли она вспомнить, где именно работала мама в январе 1616 года?

Что если и правда в Выборгском замке, где тогда останавливался Густав Адольф?

Но как бы выведать всё это у тети Анны так, будто невзначай? Будто случайно к слову пришлось?

Чтобы она ни о чем таком не догадалась...

– А вон и Ниен, сударь! – Купец отвлек Эрика от воспоминаний.

Судно уже повернуло на юг, и старик показывал рукой налево по курсу.

– В смысле? – не понял Эрик. – Те деревянные сараи, которые виднеются после болота, это и есть город Ниен?

– Его окраины. Видите, вон там чуть дальше слева в Неву впадает довольно полноводная река?

– Ну... вижу, да.

– Это Черная река, на которой и стоит город. Ижорские крестьяне называют ее «Охта». Что означает «Медвежья река». Или же «Река, текущая на запад». Чёрт их разберет... Но дома вдоль Черной реки ничем не хуже, чем в предместьях вашего Стокгольма или Парижа!

– Одно я вижу точно, – расхохотался Эрик. – Эти сараи охраняются не хуже, чем Лувр в Париже.

Старик непонимающе посмотрел на него.

– Да вон же, взгляните! Вдоль набережной ходят пятеро... нет, шестеро солдат с мушкетами! Они что ли палить по нам будут, если мы не причалим для прохождения осмотра у таможенного пункта?

– И правда, солдаты с мушкетами. – Купец озадаченно почесал свою старомодную бороду. – Впервые вижу, чтобы они разгуливали с оружием по городу!

Таможенные служащие, проворно поднявшись на борт, принялись засовывать носы во всё подряд. Не поленились они и простучать стенки трюма. Но всё было тщетно: никакого утаенного груза не обнаружилось. С предъявленных мешков с солью и была заплачена пошлина.

Вскоре судно миновало пару-тройку стоящих у берега огромных кораблей, повернуло налево и зашло в Черную реку.

Купец не соврал. По левую руку выстроились фахверковые дома, обращенные фасадом к Черной реке: такие же точно, какие можно увидеть хоть в Стокгольме, хоть в Париже. Кладка

между черными деревянными брусьями и раскосами, образующими каркас домов, была у всех у них побелена известью. Эта улица тоже почему-то патрулировалась солдатами.

По правую руку, на другом берегу реки, возвышался земляной крепостной вал с пушками.

Спустя какие-то пять минут на пути у судна встал мост, соединяющий город и крепость. Теперь по левую руку была рыночная площадь и здание ратуши.

– Прибыли, сударь. – торжественно заявил старик. – Слава Господу!

Парой минут позже, распрощавшись с забавным попутчиком, Эрик уже шагал по Ниену. В одной руке он держал чемодан с вещами, а в другой – чехол с лютней.

Город оказался невероятно крошечным. Он был буквально зажат между Невой, Черной рекой, болотами и еще одной речкой, берущей начало в болотах.

Дом тети Анны издали казался Эрику кирпичным. Но подойдя поближе, он понял, что это такой же точно деревянный «сарай», какие он видел с судна на окраине Ниена. Просто расписанный под кирпич. Настоящий кирпичный жилой дом тут, по-видимому, был всего один – Эрик заметил его у самой рыночной площади. И если не считать той улицы с фахверками, что простиралась вдоль Черной реки, весь Ниен был деревянным. И лишь некоторые срубы, подобно дому тети Анны, были изящно раскрашены.

Оказавшись у двери, Эрик заметил, что на ближайшем перекрестке переминаются с ноги на ногу двое солдат с мушкетами и внимательно за ним наблюдают.

Он постучал.

Когда дверь открылась, перед ним появилась толстая женщина и девочка лет семи, у которой... были такие же точно золотисто-рыжие волосы, как и у него самого.

– Эрик, это ты! – радостно прокричала тетя Анна и обхватила его.

Солдаты облегченно вздохнули и отвернулись.

– Это твой двоюродный брат Эрик из Стокгольма, – пояснила она девочке. – Поздоровайся с ним.

Девочка обменялась с Эриком приветствиями.

– Да ты же просто вылитый мой отец, то есть твой дедушка! – Тетя Анна продолжала удивленно рассматривать Эрика. – Одно лицо! Глаза, нос, губы... Те же самые золотистые волосы! А это что у тебя... лютня? О боже, это просто невероятно. Ты бы знал, как мой покойный отец обожал играть на лютне! Он был невероятно музыкальным. У него даже был свой любительский ансамбль, выступали на праздниках... Да это просто чудо, как ты на него похож!

Она снова принялась душить Эрика в объятьях, даже забыв пригласить гостя войти.

Никогда еще в жизни он не чувствовал себя таким идиотом.

Тайный сын великого государя... Ну как эта дурь могла взбрести ему в голову?

Что за детские фантазии?

День ото дня они раздувались подобно гигантскому мыльному пузырю, и вот, лопнули в одночасье.

Целый рой мыслей пронесся в голове Эрика за секунды.

Смерть родителей в Выборге оставалась весьма странной... Наезд кареты никто толком не расследовал...

Что если родители получали угрозы? Если не от людей государя, то от кого-то еще?

И делились этим с друзьями...

Те наверняка живы и могли бы теперь рассказать!

«Раз уж я в этой дыре, – судорожно соображал Эрик, – где делать абсолютно нечего...

Смотаюсь-ка в Выборг, который тут рядом, и всё разузнаю».

– А почему у вас весь город в солдатах? – кивнул он в сторону перекрестка.

– Как, ты еще не знаешь? Неужели тебе никто не сказал?

– Чего не сказал?!

– Бедная Элизабета... такая была красивая девушка, такая красавица... дочь школьного учителя, господина Берга. Каким же извергом нужно быть, чтобы сотворить такое? Неделю назад нашли ее тело. А голову ее так и не нашли до сих пор. Представляешь? Так и похоронили девушку, без головы... Весь город охватила такая паника, что все боялись из дома показаться! Комендант крепости, умница, сразу же распорядился, чтобы город был взят под патрулирование солдатами. Сейчас вот уже все соседи начали понемногу приходить в себя, возвращаться к обычной жизни. Ой, что же это я всё болтаю и болтаю, а тебя держу на улице? Заходи, Эрик, заходи, чувствуй себя как дома... Да не бойся ты так! А то прямо побледнел... Ну, что ты дрожишь, а? Бояться уже совершенно нечего! Говорю же...

Как показал следующий день, тетя Анна весьма заблуждалась на этот счет.

Глава 2. Новое нападение

На следующее утро, в воскресенье, весь город собрался в церкви.

Располагался храм за городской чертой. Нужно было перейти по деревянному мосту через речку, впадающую в Черную реку, а затем немного прогуляться между полей с ячменем и хмелем до комплекса из трех зданий, окруженных церковной оградой. В комплекс, помимо собственно церкви, входила также школа и дом семьи пастора.

Эрику так толком и не удалось выспаться после долгого путешествия. Тетя Анна допоздна расспрашивала о жизни в Стокгольме и Париже, а сам он от перевозбуждения совершенно не хотел спать. Поэтому этим утром Эрик был похож то ли на лунатика, то ли на слабоумного. Вместе с тетей Анной и ее семьей он добрался до церкви, почти спя на ходу.

И вот теперь, постояв и пооткрывав рот под совместное пение псалмов, он с облегчением уселся на скамейку и стал стремительно проваливаться в сон.

Однако слова священника не дали ему заснуть.

– Братья и сестры! – говорил пастор, театрально жестикулируя в тесной кафедре, которая словно балкон выступала из стены. – Да будет вам известно, что чудовище, лишившее головы несчастную Элизабету Берг, обезврежено и больше не сможет причинить никому вреда!

В церкви наступила гробовая тишина.

Насладившись произведенным впечатлением, священник продолжал:

– Все вы, конечно же, помните старуху Грету. Она поселилась у нас два года назад и умерла в минувшем апреле. Сколько раз я обращался к бургомистру и вышестоящим властям, чтобы против этой ведьмы – пока она еще была жива и душа ее не отправилась в ад – было начато дело о колдовстве! Но меня не слушали. Более того, меня даже заставили похоронить ее, как и всех добрых христиан Ниена, на церковном кладбище. Хотя любому в городе (да-да, каждому из вас, сидящих здесь!) было известно, что она ведьма.

Народ в церкви стал переглядываться, не понимая, к чему он клонит.

– Но минувшей ночью, – продолжал пастор, – я с помощником в присутствии трех свидетелей раскопал ее могилу, открыл крышку гроба и вот этим вот молотком... – Священник нагнулся, а когда снова показался в своем балкончике, уже держал в руках внушительного размера молот. – ...этим самым молотком вбил глубоко в сердце нежити заточенный осиновый кол. Затем стал окроплять тело святой водой, произнося молитву. Как вдруг рука нежити вцепилась мне в ногу! Потеряв равновесие, я свалился прямо на нее.

Эрик от неожиданности выронил из рук сборник псалмов, который так и держал с начала службы.

«Что за бред? – подумал он. – Этот мракобес в белом воротничке и рясе либо привирает сейчас, либо... Был что ли так экзальтирован, что померещилось, будто он не просто оступился и свалился на покойницу, а она схватила его?»

– Но Господь был со мной, – продолжал священник. – И он не попустил никому растеряться и замешкаться ни на секунду. Меня мгновенно подняли и поставили на ноги. Дьявольской старухе не удалось задушить меня в своих последних конвульсиях... Так знайте же: Ниену больше ничего не угрожает. Нежить не сможет больше выбираться из могилы и пожирать головы ни в чем не повинных христиан. Хвала Господу Иисусу! – Он театрально сложил кисти рук и посмотрел в потолок. – И я уже имел разговор с господином комендантом. Сегодня ровно в полдень солдаты покидают улицы и возвращаются в казармы. Пусть же произошедшее послужит всем хорошим уроком... Вот что может произойти, если против ведьмы вовремя не начать дела о колдовстве и не довести процесс до костра. Ведь после его очищающего огня ничего подобного не произошло бы.

Эрик заметил, что в церкви наступило оживление. Всё оставшееся время службы горожане радостно перешептывались.

«Похоже, я тут один не разделяю всеобщего оптимизма, – мрачно подумал он. – Ну, или еще и сам убийца. Если он тоже находился сейчас в церкви. Хотя нет... Он-то сейчас должен быть рад такому повороту больше всех остальных».

Когда служба закончилась и все стали расходиться по домам, Эрик сказал тете Анне, что придет чуть позже. А пока он хотел бы прогуляться и осмотреть здание церкви снаружи.

Да, это, мягко говоря, не Собор Парижской Богоматери. Но почему бы и не изучить церквушку в забытом богом городе на забытой богом реке Неве? Тем более, день выдался солнечным, а вчерашний дикий ветер за ночь улегся.

Храм оказался крестообразной формы. Обойдя его кругом несколько раз и считая шаги с педантизмом юного ученого, Эрик понял, что в длину он достигает на несколько метров больше, чем в ширину. Выходило то больше тридцати метров, то меньше. С юга и севера к центральному нефу примыкали два придела. На востоке была алтарная часть, а на западе – башня с колокольней.

Стоя с задранной головой, Эрик щурился на ярком солнце. Он держал ладонь козырьком над глазами и пытался разглядеть каждый из колоколов. В такой позе он попятился назад по дорожке, которая опоясывала храм, чтобы найти точку, где солнце скроется за колокольней... как вдруг почувствовал толчок в спину и услышал женский крик.

Обернувшись, он с ужасом понял, что только что сбил с ног девушку. Видимо, она вышла по той же дорожке из-за угла.

– Миль пардон, мадмуазель! – вырвалось у Эрика, покрасневшего от смущения. Тут вдруг он понял, что заговорил по-французски, и от этого стал совсем красным как рак. – Позвольте, я помогу вам подняться. – Он протянул ей руку.

Девушка, всё еще сидя на земле, поправила шляпку, которая съехала ей на лицо. Несколько мгновений, приоткрыв рот, она таранилась на этого рыжего чужака с протянутой рукой – такого красного и в добавок только что сказавшего три первых слова на французском.

Наконец, она расхохоталась и протянула ему руку в ответ.

– У вас во Франции все ходят задом наперед и смотрят при этом в небо? – Поднявшись на ноги, она принялась отряхивать юбку. – Да еще и на шведском умеют говорить без акцента?

На Эрика, смеясь, смотрело такое миловидное личико, что в голове сразу пронеслась мысль: «Боже, она же просто ангел!»

Если бы какому-нибудь местному скульптору потребовалась девушка, чтобы позировать для изваяния ангелочка, то лучшей модели было бы не сыскать в окрестностях всей Балтики. Вот только скульпторы в такой дыре вряд ли водятся, подумал Эрик. Так что едва ли ей хоть раз в жизни доводилось сидеть перед ваятелем.

– Прошу прощения, юнгфру, – повторил он свое извинение на всякий случай по-шведски. – Я осматривал ваши местные достопримечательности и немного увлекся. Надеюсь, вы не сильно ушиблись?

– Достопримечательности?! Теперь к нам совершают паломничество из самой Франции, чтобы увидеть эту заурядную церквушку? – продолжал ангелочек в своей насмешливой манере.

– Виноват, забыл представиться. Эрик Хольм, студент университета Упсалы, – Эрик совершил поклон со всей элегантностью, на которую только был способен. – Прибыл в Ниен погостить у своей тети, буквально вчера поздно вечером. А насчет французского... прошу прощения, но я всего год назад вернулся из Парижа, где наша семья прожила семь лет. И я был так сконфужен, когда понял, что сбил вас с ног, что...

– Семь лет в Париже?

На ее лице читалось неподдельное изумление, переходящее в восхищение.

– Тогда есть только один способ, господин Хольм, как вам заслужить, чтобы я приняла ваши извинения. Вы обязуетесь немедленно проводить меня до дома, а во время прогулки расскажете мне всё самое интересное, что видели в Париже.

Эрик не верил своему счастью.

С каждым ударом своего сердца он чувствовал, что влюбляется в это неземное создание всё сильнее и сильнее. И даже ее ёрническая манера разговаривать с ним лишь придавала ей дополнительного очарования в его глазах.

«Какие же у них тут простые деревенские нравы! – вдруг подумал он. – Ходит одна без компаньонки. И я – мужчина, которого она видит первый раз в жизни, – вот так вот запросто могу проводить ее до дома».

Ниен определенно начинал ему нравиться. В столицах, к которым он привык, в этом отношении было куда больше условностей. Не только у аристократов, но и среди его собственного бюргерского сословия.

– Весь к вашим услугам. Но могу ли узнать, как зовут сударыню?

– Элизабета Лагерквист. Но зовите меня просто Лиза. Никогда не любила длинных имен. Вам вот повезло, получили короткое имя при крещении.

– Элизабета? – призадумался Эрик. – А ведь так же точно звали ту девушку, у которой, если верить пастору, ведьма отгрызла голову. Подумать только! Ведь на ее месте могли быть вы!

Лиза уставилась отсутствующим взглядом в какую-то точку перед собой. Вдруг ее всю начало трясти и слезы потекли ручьями по щекам. Она закрыла лицо руками и отвернулась к кирпичной стене храма. Прислонившись к стене, она так и продолжала рыдать, а Эрик решительно ничего не понимал.

Что он опять сделал не так?

Сначала из-за его слов она хохотала, а теперь стоит и рыдает!

Из всех природных явлений, которые ему до сих пор доводилось изучать, самым непостижимым и непредсказуемым была природа женского характера.

– Простите меня, – сказала она наконец, повернувшись к нему. – Не смогла сдержаться. Элизабета была моей лучшей подругой. Мне казалось, что я уже свыклась с мыслью, что ее больше нет... ведь прошло больше недели. Но всё абсолютно так же, как в тот ужасный вечер пятницы... когда по всему городу разнеслась новость об обнаружении ее тела. В это просто невозможно поверить! Понимаете? Наверно, я никогда не смирюсь с тем, что ее больше нет.

Как же хотелось сейчас Эрику обнять это растерянное ангельское создание. Прижать к себе и утешить. Но он держал себя в руках.

– И ведь какой момент выбрала проклятая ведьма! – продолжала Лиза. – Элизабета незадолго до трагедии была помолвлена с прекрасным молодым человеком из очень богатой семьи. Он заезжал в наш городок по коммерческим делам, и между ними вспыхнула настоящая любовь с первого взгляда. Элизабета мне всё рассказывала, ведь мы были лучшими подругами. Вы не представляете, как я радовалась за нее! А ее жених – даже страшно подумать об этом – до сих пор не знает о произошедшем. Он должен был ехать дальше по делам, но они договорились вскоре повенчаться в этой самой церкви.

Лиза сделала жест рукой в сторону стены храма.

– Эрик, у меня сердце разрывается, когда я пытаюсь представить себе его возвращение. Как он перенесет такое горе? И почему только эту ведьму не сожгли на костре, пока она еще не стала нежитью? Как же прав был наш благословенный пастор! Но его никто не хотел слушать. Теперь мы жестоко наказаны за это.

«Значит, она тоже верит в сказки про мертвых ведьм-убийц», – констатировал Эрик.

Впрочем, чего еще следовало ожидать от девушки из провинциального городка, возможно, едва умеющей читать по слогам?

Но Эрику было наплевать. Он был по уши влюблен – и уж точно не собирался спорить с ней, выставляя себя в ее глазах эдаким университетским занудой.

– Сочувствую вам, – сказал он и помолчал, подбирая слова. – Давайте я и правда провожу вас, а заодно постараюсь немного развлечь рассказами о Париже. Хотя не уверен, что рассказчик из меня такой же превосходный, как мастер сбивать юных красавиц с ног.

Лиза молча кивнула, и на ее лице Эрик смог прочесть едва заметную улыбку. Значит, от ее внимания не ушел комплимент насчет юных красавиц. А значит, не так уж всё и плохо!

– Вы слышали, что вся Франция играет в теннис? – поинтересовался он, когда они вышли через калитку из церковной ограды.

По широкой, посыпанной гравием тропинке, которая разделяла поля с ячменем и хмелем, они направились в сторону города.

– Во всей Франции, – продолжал Эрик, – сейчас вдвое больше теннисных залов, чем церквей. А открытых кортов раза в четыре больше.

– Ничего себе! А что всё это такое?

– Это такая игра в мяч. Через сетку, но об пол... а в руке у вас ракетка, это тоже такая сетка с рукояткой... Тьфу! Я же говорил, что рассказчик из меня никакой! Давайте я лучше покажу. Так, вставайте тут и смотрите вперед. – Эрик с Лизой остановились прямо посреди тропинки, не пройдя и половину пути до моста. – Вытяните правую руку в сторону, слегка согнув в локте.

– Так?

– Да нет же. Совсем не так! Позвольте, я встану сзади, возьму вашу руку за запястье и покажу, как правильно надо?

Лиза насторожено осмотрелась по сторонам – никого не было видно. Все уже давно разошлись после службы по домам.

– Пока никто не видит, – сказала она, – давайте. А то подумают еще бог знает что!

Эрик прижался к девушке со спины и взял ее правую руку за запястье.

Этому способу обнять понравившуюся девушку он научился в Париже от ребят постарше, и уже пару раз испробовал. Фокус работал безотказно.

Минут пять он так и простоял с ней посреди полей, показывая, как именно нужно сгибать руку в локте, как правильно обращаться с воображаемой ракеткой и вообще, в чем смысл игры.

Слева от них ячменное поле упиралось в ту самую реку, по которой Эрик с купцом накануне, повернув с Невы, доплыли до рыночной площади.

«Черная река, – проносились вроде бы неуместные в такие минуты лингвистические мысли в голове Эрика. – Ее ижорцы и русские еще как-то смешно называют... на «о», кажется. Отха? Или, наоборот, Охта?»

Несколько чаек парили кругами высоко над Черной рекой, то и дело оглашая всю округу своими резкими криками.

По правую руку простиралось поле с хмелем. В землю стройными рядами были вбиты сотни – если не тысячи – палок, вдвое выше Эрика, и вокруг каждой из них подобно гигантской сказочной змее обвивалось по растению.

«Как забавно, – подумал он. – Оба поля явно нужны городским властям для пивоварения. При этом прямо посреди полей находится храм. Можно ли найти образ, более удачно выражающий гармонию между плотскими удовольствиями и божественным? Античные авторы остались бы довольны».

Прямо перед Эриком и Лизой оба поля упирались в реку поменьше. Вчера вечером Эрик уже выведал у тети Анны, что называется она Малой черной рекой. Но горожанам лень, по ее словам, так длинно говорить, поэтому стала у них просто Малой рекой.

Сама рыночная площадь, ратуша и весь остальной Ниен виднелись сейчас за кустами и деревьями по ту ее сторону.

– Ну всё, довольно! – сказала Лиза, когда Эрик уже принялся показывать, как правильно следует присесть, и попытался нащупать ее коленку под юбкой. – Благодарю вас за урок тенниса. Пойдем уже дальше.

Едва они перешли через мост и оказались в городской черте, внимание Эрика привлекло нечто, что он ранее упустил из виду. Тогда, по пути в церковь, он буквально спал на ходу. Хорошо еще, что не свалился с моста в речку. Но урок тенниса окончательно оживил его.

– Гляньте, что это там такое? – махнул он рукой направо. – Столько цветов валяются прямо на земле у кустов. Статуэтки какие-то, свечи горят. Подойдем поближе?

– Нет, не надо. – Лиза изменилась в голосе. По ее щекам вновь побежали слезы.

И только сейчас Эрик сообразил, что это то самое место, где было обнаружено обезглавленное тело подруги Лизы. Неудивительно, что горожане несут туда цветы, статуэтки ангелов и зажигают свечи. Удивительно только то, что он, тугодум, не мог этого сразу сообразить. И вот, опять довел свою очаровательную подругу до слез.

– Прошу прощения. Я не сразу понял.

Некоторое время они шли по улицам города молча. Лиза, по-видимому, направлялась к Неве, на другой конец Ниена. Эрик шел рядом, крутил головой по сторонам и пытался понять, что именно изменилось в городе со вчерашнего вечера... Ах да! На перекрестках больше не было солдат. Как и обещал пастор, ровно в полдень все они разошлись по казармам.

Эрик почувствовал, как у него по всему телу побежали мурашки.

Надо было брать с собой в поездку не лютню, а шпагу. Но кто же знал? Шпага так и осталась висеть на стене в его комнате в общежитии. С детства обладая чересчур богатым воображением, Эрик теперь не мог перестать фантазировать, как из-за дерева вдруг показывается свирепый убийца, огромный как скала и почему-то с красными глазами. В каждой руке у него, конечно же, было по сабле. Размахивая ими, он мог отсечь любому голову проще, чем отрезают ножом кусок масла.

Правда, воображение неизбежно рисовало Эрику, как он тут же встает между Лизой и чудовищем. В руке у него огромная дубина (когда бы он успел отломать от ближайшего дерева хотя бы веточку?). Смело направляясь на убийцу, он одним своим решительным видом повергает того в бегство.

– А ведь сегодня, – прервала, наконец, молчание Лиза, – в городе должны были проводиться грандиозные торжества.

– Что вы сказали? – Эрик не сразу вернулся в реальность.

– Вы и не знаете, наверно. Ровно три года назад, 17 июня 1632 года, Густав Адольф даровал нашему поселку городские права и торговые привилегии. Можно сказать, Ниен как город и появился именно тогда. Вы бы видели, какие торжества тут были в первую годовщину! А в прошлом году! И к трехлетию города все уже начали было готовиться, но...

Лиза вздохнула и снова замолчала.

А Эрик, услышав имя Густава Адольфа, густо покраснел. Еще вчера – и два последних месяца – он просыпался каждое утро с мыслью, что в его жилах течет кровь государя. К счастью, Лиза не смотрела сейчас на него и ничего не заметила.

– Ну и как? – сказал он, чтобы поддержать тему. – У вашей семьи дела пошли заметно в гору, когда поселок стал городом? И кстати, чем занимается ваш отец?

– Отец погиб при пожаре этой зимой, – снова вздохнула она. А Эрик пробормотал какие-то слова соболезнования. – Да, сначала отец, теперь вот и лучшая подруга... Но до трагедии с отцом дела у нас действительно резко пошли в гору. Он был судовладельцем, мы поселились здесь еще десять лет назад – но именно три года назад, благодаря городским торговым привилегиям, он начал зарабатывать на своем корабле всё больше и больше... А вы, Эрик? Кто ваш отец?

И за оставшуюся дорогу он успел рассказать ей про гибель родителей под колесами кареты в Выборге, про то, как сестра мамы взяла его к себе в Стокгольм, и про то, как отчиму повезло стать личным врачом барона в Париже...

Ранней весной 1626, когда Эрику шел десятый год, некий французский барон и дипломат прибыл в Стокгольм с секретным заданием от кардинала Ришелье. (Как стало ясно позднее: вовлечь Густава Адольфа в войну против Габсбургов). Однако престарелый барон сильно простудился по пути в Швецию. Ведь несмотря на календарный март, там всё еще лежали сугробы. Он добрался до Стокгольма в таком плачевном состоянии, что гарантированно бы умер – если бы отчим Эрика не применил всё свое врачебное искусство. Вернувшись практически с того света, барон поинтересовался: сколько талеров в год зарабатывает такой искусный медик? И, получив ответ, заявил, что будет платить втрое больше, если тот согласится стать его личным врачом в Париже. Долго упрашивать не пришлось. И уже спустя месяц, когда барон завершил все свои дела в Стокгольме, семья отправилась вместе с ним в теплую и солнечную Францию... И вот, год назад барона не стало, и всё семейство было вынуждено вернуться обратно.

Впрочем, за семь лет отчим сколотил там целое состояние. Учеба Эрика в университете была бы невозможна без такого стечения обстоятельств.

– Так вы, выходит, еще и завидный жених? – улыбнулась Лиза и бросила на него кокетливый взгляд. – Ну, а вот здесь нам с мамой теперь приходится жить. – Они остановились у одного из тех «сараяв» на берегу Невы, которые Эрик вчера вечером заметил еще издали и над которыми потешался. – Я вам еще не сказала? Отец погиб при пожаре, но то был пожар на его единственном корабле. Дело было зимой, корабль стоял у берега, закованный льдами, ведь минувшая зима была необычайно холодная. И не вполне ясно, что именно отец делал там... какие-то ремонтные работы. Но произошел взрыв и весь корабль, несмотря на мороз, был быстро объят пламенем. Так мы остались и без отца, и без средств к существованию. Корабль весь полностью выгорел.

– Взрыв, говорите?!

– Да, его весь город слышал. Словно десять пушек одновременно дали залп. Я, как вы догадываетесь, во взрывчатых веществах не разбираюсь. Может быть, отец применял какую-то взрывоопасную смесь для обработки корабля от грибка или что-то в этом роде? И она случайно загорелась? В общем, как бы то ни было... Жить нам с мамой теперь не на что. Первым делом пришлось продать наш замечательный фахверковый дом и перебраться в эту вот убогую лачугу. Вырученных средств должно хватить еще на какое-то время.

– Я не только завидный жених, Лиза. Через несколько лет, когда окончу университет, я стану знаменитым ученым (вот увидите!) и тогда обязательно вернусь сюда и женюсь на вас. Даю вам честное слово!

– Хотелось бы не помереть к тому моменту с голоду, – попыталась она пошутить в ответ.

Ей стало ясно, что Эрик не отдает себе отчета в том, в каком ужасном положении они с мамой оказались. Впрочем, чего еще можно было ожидать от беззаботного студента, который вряд ли когда-либо сталкивался с отсутствием денег?

– А пастор-то ваш тот еще борец с ветряными мельницами. – Эрик вернулся к теме, которая всё не давала ему покоя. – Подумать только! Увидел в трупе какой-то несчастной старухи нежить-убийцу и на полном серьезе сражался с ней! Мне даже страшно теперь оставлять вас одну, Лиза. Но вынужден откланяться и спешить домой. Наверно, все уже волнуются, куда я запропастился.

– С ветряными мельницами, вы сказали? У нас стоит на окраине одна ветряная мельница. Но признаюсь честно: еще ни от кого не слышала, чтобы господин пастор с ней как-то боролся. Вы всё-таки немного странный, Эрик.

– Ах да. Вы же, наверно, не читали «Дон Кихота»? Он еще не переведен на шведский. Это оттуда.

– Кого-кого не читала? – обиделась Лиза. – Опять какие-то ваши французские штучки?

– Вообще-то автор испанец... и зачем-то написал и издал свой потрясающий роман на испанском. Но, к счастью, его уже переведи и издали на французском. Я даже взял его с собой в это путешествие, перечитываю уже третий раз. Гениальная книга! Еще никто так не писал романы, уж поверьте мне. Это какое-то новое и удивительное явление в литературе.

– И при чем тут ветряные мельницы? – не понимала Лиза.

– Ну, просто главный герой романа – испанский старикашка с богатым, но весьма большим воображением. Примерно, как у вашего пастора. И он обчитался рыцарских романов, в результате чего возомнил себя рыцарем. Нашел где-то старомодные доспехи и отправился верхом на коне с копьём в руках совершать подвиги. И проезжая мимо ветряных мельниц, вообразил, что это какие-то великаны, с которыми он непременно должен сразиться. В итоге пришлось ему поболтаться там между небом и землей – копьё застряло в лопасти мельницы, а он крепко держался за него.

Лиза прыснула со смеху.

– И эта книга с вами в Ниене?! А вы могли бы мне почитать ее на шведском? Уверена, что вам не составит никакого труда переводить прямо сходу. Давайте прямо завтра днем? Встретимся здесь в полдень, прогуляемся до переправы – и на том берегу Невы, возле русского села, я знаю потрясающее местечко. Оттуда и вид на Ниен красивый, и там удобно можно устроиться. Вы мне почитаете? Очень вас прошу!

Эрику захотелось ущипнуть себя. Уж слишком всё походило на сон.

– Всегда к вашим услугам, сударыня! – поклонился он, изо-всех сил стараясь не выдать той волны счастья, которая захлестнула его. – Буду здесь завтра ровно в полдень.

На другом берегу Невы и вправду виднелась русская деревня с деревянной церковью. Эрик обратил на нее внимание еще вчера, когда подплывал с купцом к Ниену. Деревня была намного больше, чем все остальные, которые попадались на пути.

Село Спасское – объяснила вчера вечером тетя Анна. Крестьяне оттуда продают свои товары на рынке Ниена, а их ребятишки ходят в городскую школу. К школе, по ее словам, даже специально прикреплен русский дьякон, чтобы помогал им понимать шведский язык.

«Любопытно будет походить там завтра», – подумал Эрик.

Сразу после обеда Эрик лег в постель и собирался, наконец-то, отоспаться после нелегкого путешествия. Но едва задремав, он вскочил в холодном поту.

Ему приснилось, как он сидит возле Лизы с раскрытой книгой и, пробежав быстро глазами по самым первым предложениям на французском, пытается сказать то же самое вслух на шведском. Однако вместо складной и красивой речи у него изо рта то и дело вылетают: «эээ», «mmm» и «как же это по нашему-то, а?» А Лиза измеряет его презрительным взглядом, встает и молча уходит. Жалкий хвостун и самозванец!

Вскочив с кровати, Эрик бросился к «Дон Кихоту» и так и просидел до самого вечера, упражняясь в переводе «с листа». Он сразу решил опустить посвящение герцогу Бехарскому. (Неужели Лизе оно будет интересно?) А также – авторское предисловие в виде пролога и стихотворные отзвы в начале книги. Начать завтра следовало непосредственно с первого предложения первой главы:

«В некоем селе Ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идальго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке».

Эрик так увлекся, что не заметил, как настал поздний вечер. Он даже не замечал, что уже давно рассказывает взад-вперед по комнате с книгой в руках и бурно жестикулирует. Никто из домочадцев не помешал ему. Все были уверены, что он спит мертвым сном и поэтому не заглядывали в гостевую комнату. Она находилась на первом этаже, так что внизу никто не мог

слышать звука шагов. И лишь однажды он, взъерошенный и с отсутствующим взглядом, сходил до туалета во дворе и обратно, но все решили, что он пошел спать дальше.

Около девяти вечера Эрик начал приходить в себя. Было переведено достаточно, чтобы сразить завтра Лизу наповал. И кто знает, понадобится ли вообще читать ей дальше?

После стольких часов интеллектуального труда, больше напоминавшего бесовскую одержимость, Эрик решил прогуляться по берегу Невы. Совершенно истощенный, но довольный собой. Окончательно он пришел в себя, отвлекшись от проблем передачи французских фраз и грамматических конструкций на шведский язык, лишь когда дошел до пункта таможни на окраине города и направился обратно.

Всю береговую линию оккупировали чайки. Они важно расхаживали взад-вперед. Небо стремительно затягивалось тучами. Начал накрапывать дождь, и Эрик с ужасом подумал, что их завтрашняя прогулка по противоположному берегу может отмениться из-за непогоды.

Поравнявшись с домом Лизы, он заметил нечто странное.

Силуэт, который издали очень напоминал Лизу, показался за огородами и, осторожно оглядевшись по сторонам, быстро зашагал вглубь города.

Эрик не мог удержаться, чтобы не прибавить шагу. Он пробрался между огородов до мощеной городской улицы и направился следом. Это действительно была она. Пару раз Лиза оборачивалась, но Эрик был уверен, что успевал вовремя слиться с фасадами домов. Пройдя через весь город, она оказалась у фахверкового дома на Черной реке – у среднего из тех богатых белых фахверков, что вытянулись там в целый ряд. Ее пустили внутрь. Эрику оставалось лишь стоять на безопасном расстоянии, прижавшись к стволу дерева, выжидать и теряться в догадках.

На ночь глядя!

Одна!!!

В чужой зажиточный дом!

И как он только мог влюбиться в эту распутную девицу?

Ну не ясно ли было с самого первого взгляда на ее миловидное личико, что это городская шлюха?!

Эрика трясло то ли от злости на себя, то ли от ревности. Понять этого он пока что и сам не мог.

Спустя минут десять Лиза вышла, и дверь за ней закрыли. В руках у нее были...

(Эрик даже прищурился, не поверив).

Грабли и скалка!

Самые обычные грабли, которыми можно собирать опавшие листья в кучки. И самая обычная скалка, которой раскатывают тесто.

И тут только до Эрика дошло...

Всё-таки как полезно было бы выспаться, а не бродить по городу как сомнамбула. Ведь Лиза рассказывала, что ей с матерью не так давно пришлось продать свой богатый фахверк и перебраться в деревянный домик у Невы. По всей видимости, это и есть тот самый бывший дом. И им до сих пор приходится перетаскивать на новое место жительства какие-то предметы хозяйства.

Но почему так поздно вечером?!

Набежавшие тучи накрыли Ниен мраком. Лиза, к удивлению Эрика, не пошла обратно той же дорогой через город. Она направилась вдоль Черной реки до Невы. Видимо, собираясь затем добраться до дома по песчаному берегу. Эрик шел следом на расстоянии и пытался сообразить, зачем она делает такой крюк.

Всё ясно!

Она стесняется перетаскивать свой скарб через город. Не хочет, чтобы соседи глазели из окон и лишний раз судачили об их с мамой позорном переезде. Бедная девушка! А поскольку

город обращен не к Неве и туда выходят, в основном, огороды и дворовые постройки, то идти по берегу в этом отношении намного безопаснее.

Редкие прохожие, которых Эрик еще встречал у воды перед слежкой за Лизой, уже укрылись по домам в ожидании сильного ливня. И только чайки продолжали прогуливаться вдоль волн, то набегающих на песок, то отступающих обратно.

«Но подожди-ка... – сказал сам себе Эрик. – А это еще что такое? Это еще что за чертовщина?!!»

Едва Лиза миновала причал с огромными многомачтовыми кораблями, раскачивающимися на волнах возле места впадения Черной реки в Неву, как откуда ни возьмись – прямо за ее спиной – возникла огромная фигура в черном плаще и капюшоне. Одним мощным ударом кулака в спину Лиза была сбита с ног. Чайки, безмятежно прогуливавшиеся рядом, в панике взлетели. Двухметровый монстр в плаще занес над девушкой пилу.

Всё произошло так внезапно и так быстро, что Эрик замер и наблюдал за происходящим в оцепенении. Но он успел разглядеть, что в руке у высоченного чудовища хирургическая ножовка для ампутаций. Примерно такую же он видел когда-то среди инструментов у своего отчима-медика.

Лиза, однако, не растерялась и, всё еще лежа на земле, уперлась граблями уже согнувшегося над ней монстру в грудь.

Один взмах пилы – и от граблей остались лишь щепки.

Выйдя из оцепенения, Эрик наконец-то крикнул: «А ну пошел прочь!», и бросился Лизе на помощь.

Верзила в низком капюшоне обернулся, а она тем временем попыталась запустить ему скалкой по затылку. Бросок вышел не очень удачным, хоть и сильным, и грозное орудие просвистело в каких-то миллиметрах от головы.

Злодей бросился наутек – с невероятной проворностью он исчез меж изгородей, ведущих в город, откуда, по всей видимости, до этого и выскочил на песчаный берег Невы.

Эрик подбежал к Лизе и долго не мог поверить, что пила так и не успела соприкоснуться с ее телом.

Взяв Лизу на руки, он – насколько мог быстро – отнес девушку в ее дом.

На город обрушился ливень.

Глава 3. Комендант

– У вас не завалился случайно кусок парусины? Мне бы обернуться, иначе промокну насквозь при таком ливне.

Слова Эрика были обращены к вдове Лагерквист. Она только что уложила дочь в кровать. Это была худенькая и до того миниатюрная женщина, что издалека ее можно было бы принять за ребенка.

– Что?! Вы собрались куда-то идти в такой дождь? Даже не думайте! Я никуда вас не отпущу. Особенно после того, что вы только что рассказали. Этот ненормальный с пилой может быть сейчас где угодно! Может быть, он сейчас сидит в кустах рядом с нашим домом и только и ждет, как дверь откроется?

– Но просто выждать и никому ничего не сообщить было бы преступно. Я намерен бежать к коменданту крепости. Пускай срочно высылают в город патруль из солдат, как он это уже делал раньше.

– Вы не слышали, что я вам сказала, молодой человек?

Мама Лизы произнесла вопрос медленно, почти по слогам. При этом таким холодным тоном и с таким властным выражением лица, что Эрик понял: перед ним человек, не терпящий возражений.

– Что ж, в таком случае я побегу прямо в таком виде под этим ужасающим ливнем, – невозмутимо ответил он, направляясь к двери. – И если простужусь и заболею, это будет исключительно на вашей совести. Всего хорошего, госпожа Лагерквист!

Маленькая женщина несколько секунд простояла словно в трансе. Она явно не ожидала такого отпора. Встретившись с независимым нравом, легко и весело игнорирующим всю ее тиранию, она будто распадалась сейчас на куски прямо за спиной у Эрика. А он уже отодвигал увесистый засов на входной двери.

– Пойдите, пойдите! – выдавила она наконец из себя.

На этот раз тон ее был совершенно иным. Говорила она взволнованно и примирительно.

– Я принесу вам не просто кусок парусины, а целую накидку, сшитую из парусины. Она осталась от моего покойного мужа. Он был вашего роста, так что вам будет в самую пору!

Спустя пять минут Эрик, облаченный в непромокаемую белую накидку с капюшоном, уже несся пулей под мощнейшим ливнем. По тем же самым дорогам, по которым чуть ранее тайно следовал за Лизой.

«Как же жаль, что ей не удалось разглядеть лица под капюшоном», – расстраивался он.

Лиза рассказала, что когда после толчка в спину и падения обернулась, то всё ее внимание было приковано к страшной пиле. Даже когда злодей склонился над ней, а она уперлась ему граблями в грудь, то ни на секунду не отводила взгляда от пилы. Наверняка, кроме капюшона, был еще и платок на всё лицо, до глаз.

Но убийца имеет такой огромный рост!

Сколько жителей Ниена могут похвастаться двухметровым ростом?

А даже если рост злодея показался Эрику чересчур большим из-за испуга, то в любом случае это был верзила под метр девяносто. Когда он внезапно возник позади Лизы, то был как минимум – как минимум! – на две головы выше нее. В этом не было никаких сомнений. Сам Эрик был на голову выше Лизы и прекрасно знал свой рост: если не сутулиться, то метр семьдесят. Абсолютно средний рост для мужчины его сословия. Парни из аристократических семей – те да, обычно сантиметров на пять-десять повыше... Но этот ненормальный был, выходит, на голову выше Эрика! Его собственная голова (это он прекрасно знал, так как весьма ценил занятия по анатомии) от макушки до подбородка равнялась двадцати одному сантиметру. Вот и получается, что тот под метр девяносто. И это по меньшей мере!

Что если комендант немедленно прикажет солдатам арестовать каждого, кто подходит под этот необычный параметр? Сколько таких наберется во всем Ниене? Три-четыре человека? И затем можно было бы допросить каждого и произвести обыск в их домах!

Погруженный в такие мысли, Эрик и сам не заметил, как добежал до Черной реки. Он понесся влево по направлению к мосту через нее. Корабль, на котором они с купцом ровно сутки назад прибыли в Ниен, еще покачивался тут на волнах. Он был пришвартован напротив городской рыночной площади. Преодолев мост, Эрик очутился у массивных деревянных ворот, которые контролировали главный проход через высокий земляной вал крепости. Ворота были закрыты, двое караульных мокли под проливным дождем.

– Мне к коменданту, это срочно! – еле-еле проговорил запыхавшийся Эрик.

На препирания со стражниками ушло довольно много времени. Никто не собирался пускать внутрь перевозбужденного паренька, что-то твердящего про грозящую всем горожанам опасность от человека с хирургической пилой. Да еще и в такой поздний час! Но поняв, что от молодого человека не пахнет алкоголем и что речь его хоть и сбивчива, но совершенно не напоминает речь умалишенного, солдаты всё же открыли ворота. Один из них повел немного успокоившегося Эрика к коменданту.

Справа от них стояла часовня. Миновав ее, они подошли к частоколу, за которым, по всей видимости, скрывались постройки с казармами. Сами внешние земляные укрепления, как успел заметить Эрик, имели вид неправильного шестиугольника. В трех его углах располагалось по бастиону. Один был по левую руку сразу после входа на территорию крепости – и сейчас оказался у них со стражником за спиной. Два других виднелись впереди за казармами, по правую и по левую руку.

У закрытой калитки, посреди частокола, сопровождавший Эрика стражник передал его дежурившему там солдату, сказав лишь: «К коменданту, по срочному делу». Сам он поспешил обратно к внешним воротам. Когда калитка отворилась и Эрик зашел внутрь, он удивился, что на противоположном конце мощеной площади располагается шикарный кирпичный дом. Деревянные казармы протянулись вдоль площади справа и слева. А за спиной у Эрика теперь был частокол.

– Мы называем его «Королевский двор», – пояснил солдат, оказавшийся намного более словоохотливым, нежели те двое его сослуживцев. – Вон тот длинный кирпичный дом, который прямо перед нами. Пойдем! Комендант живет там.

Они шли через безлюдную площадь, напоминавшую сейчас из-за ливня скорее озеро. Солдат тем временем продолжал:

– Если венценосная особа нагрянет к нам в Ниен, то будет жить в Королевском дворе. Самое безопасное место для монарха, какое только можно придумать! Видите вон те бастионы с пушками? То-то же. А пока, чтобы добру зря не пропадать, комендант занимает в доме одну из комнат. Вон, видите, свет в окне горит? Комендант еще не лег. Подождите у дома, я схожу доложить о вашем визите.

Эрик сгорал от нетерпения.

Воображение уже рисовало ему, как комендант, едва услышав про двухметрового убийцу, поднимает казармы по тревоге. Он отдает приказ окружить каждый дом Ниена, чтобы затем проверить рост его обитателей. А сам он, Эрик, после выявления злодея непременно удостоивается какой-нибудь награды. Или, может быть, даже ордена? И не будет ли награждение происходить прямо на этой площади перед шеренгами солдат, отдающих ему честь? Разумеется, не в такую погоду. Воображение услужливо рисовало ясный день, так что солнце сверкало в металлических пряжках каждого воина.

– Комендант готов принять вас, – сообщил вернувшийся часовой. – Заходите здесь, и после коридора первая дверь налево. А я пошел обратно к калитке. До скорой встречи!

Эрик в две секунды добежал до нужной комнаты. Сделав глубокий вдох и выдох, он выпрямил спину и постучался.

– Да-да, входите!

Эрик открыл дверь.

По комнате расхаживал, покуривая трубку, двухметровый гигант.

– Заходите, заходите! Вы так и будете стоять в дверях?

Первым порывом Эрика было броситься бежать.

Но он тут же представил себе всю нелепость этой ситуации со стороны. И остался стоять как вкопанный.

«Всё сходится! – лихорадочно соображал он. – Ведь именно комендант приказал убрать солдат с улиц города сегодня в полдень. Другой бы на его месте проигнорировал слова чокнутого пастора».

– Вы словно привидение увидели, сударь! – ухмыльнулся комендант. – Проходите же, присаживайтесь.

Эрик, набравшись храбрости, поплелся к предложенному стулу.

По всей видимости, вся эта просторная комната изначально предназначалась для прислуги. Либо, если в ней и были когда-то предметы роскоши, комендант приказал их отсюда перенести в другие части дома. Сам же он обставил комнату в спартанском духе – и в случае вестей о приезде государя смог бы мгновенно перебраться со всеми пожитками в казарму. Вдоль дальней стены стояла весьма грубо сделанная кровать, но по ее необычной длине было ясно, что изготовлена она специально под коменданта. Кроме кровати, в комнате был письменный стол, несколько стульев, шкаф, пара сундуков и пять-шесть кип из книг, которые вышались прямо на полу.

– Полковник Грэнфельт к вашим услугам, сударь. Присаживайтесь. Не желаете ли закурить? – Комендант указал на гостевую трубку, лежащую на столе.

Оба сели.

– Б-б-б-благодарю вас, я не к-к-к-курю.

Эрик ужаснулся, услышав свой голос, но тут же постарался взять себя в руки.

– Эрик Хольм, студент. Прибыл в Ниен сутки назад. Простите, я запыхался, пока бежал сюда через весь город.

– Да, мне доложили, что у вас есть какое-то срочное дело ко мне. Рассказывайте, я вас внимательно слушаю.

– Я... я стал случайным свидетелем нападения на местную девушку. Я не видел лица нападавшего, оно было скрыто капюшоном. А еще я стоял довольно далеко, и уже настала тьма из-за туч. Но я заметил хирургическую пилу у него в руке. Он убежал, когда я что-то крикнул ему.

– Вот как?

Комендант выпустил клуб дыма и пристально посмотрел в глаза собеседнику.

Эрик отвел взгляд в сторону и снова почувствовал желание бежать.

– Выходит, что ведьма, – вдруг расхохотался комендант, – не так уж и испугалась осинового кола, который ей господин пастор вбил в сердце? Не так ли, мой друг?

Огромные белые зубы, которые продемонстрировал комендант, выдавали в нем крепкое здоровье.

– Выходит, что так, – не стал спорить Эрик.

«Если он сейчас встанет из-за стола и сделает хотя бы шаг в мою сторону, сразу бегу, – решил он. – Успею добежать до часового у калитки в частокале. Не станет же комендант убивать меня прямо на его глазах».

Правда, спас бы Эрика разве что эффект неожиданности. Как он тут же вычислил в уме, сравнив свой шаг с шагом коменданта (не сильно отличавшимся от шагов человека на ходулях),

тот настиг бы его еще на середине площади. Однако если комендант замешкается при виде вылетающего из комнаты Эрика, эти мгновения вполне могут спасти ему жизнь.

«Надо будет вскочить с места и сразу запустить в него стулом. А потом уже драпать», – сообразил он.

– Итак, вы сказали, что не видели лица нападавшего? Из-за капюшона, а также из-за большого расстояния и темноты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.